

Игоша (Одоевский)

Я сидел с нянюшкой в детской; на полу разостлан был ковер, на ковре игрушки, а между игрушками — я; вдруг дверь отворилась, а никто не вошел. Я посмотрел, подождал — все нет никого.

— Нянюшка! нянюшка! Кто дверь отворил?

— Безрукий, безногий дверь отворил, дитятко! Вот безрукий, безногий и запал мне на мысль.

— Что за безрукий, безногий такой, нянюшка?

— Ну, да так — известно, что, — отвечала нянюшка, безрукий, безногий.

Мало мне было нянюшкиных слов, и я, бывало, как дверь ли, окисли отворится — тотчас забегу посмотреть: не тут ли безрукий — и, как он ни увертлив, верно бы мне попался, если бы в то время батюшка не возвратился из города и не привез с собою новых игрушек, которые заставили меня на время позабыть о безруком.

Радость! веселье! прыгаю! люблюсь игрушками! А нянюшка ставит да ставит рядом их на столе, покрытом салфеткою, приговаривая: «Не ломай, не разбей, помаленьку играй, дитятко». Между тем зазвонили к обеду.

Я прибежал в столовую, когда батюшка рассказывал, отчего он так долго не возвращался. «Все постромки лопались, — говорил он, — а не постромки, так кучер то и дело что кнут свой теряет; а не то пристяжная ногу зашибет, беда, да и только! Хоть стань на дороге; уж в самом деле я подумал: не от Игоши ли?»

— От какого Игоши? — спросила его маменька.

— Да вот послушай, — на завражке я остановился лошадей покормить; прозяб я и вошел в избу погреться; в избе за столом сидят трое извозчиков, а на столе лежат четыре ложки; вот они хлеб ли режут, лишний ломоть к ложке положат; пирога ли попросят, лишний кусок отрушат.

— Кому это вы, верно, товарищу оставляете, добрые молодцы? — спросил я.

— Товарищу не товарищу, — отвечали они, — а такому молодцу, который обид не любит.

— Да кто же он такой? — спросил я.

— Да Игоша, барин. Что за Игоша, вот я их и ну допрашивать.

— А вот послушайте, барин, — отвечал мне один из них, — летом у земляка-то родился сынок, такой хворенький, Бог с ним, без ручек, без ножек, — в чем душа; не успели за попом сходить, как он и дух испустил; до обеда не дожил. Вот, делать нечего, поплакали, погоревали, да и предали младенца земле.- Только с той поры все у нас стало не попржнему... впрочем, Игоша, барин, малый добрый: наших лошадей бережет, гривы им заплетает, к попу под благословенье подходит; но если же ему лишней ложки за столом не положишь или поп лишнего благословенья при отпуске в церкви не даст, то Игоша и пойдет кутить: то у попадьи квашню опрокинет или из горшка горох выбросает; а у нас или у лошадей подкову ломает, или у колокольчика язык вырвет — мало ли что бывает.

— И! да я вижу, Игоша-то проказник у вас, — сказал я, — отдайте-ка его мне, и если он хорошо мне послужит, то у меня ему славное житье будет; я ему, пожалуй, и харчевые назначу.

Между тем лошади отдохнули, я отогрелся, сел в сани, покатился: не отъехали версты — шлея соскочила, потом постромки оборвались, а наконец оглобля пополам — целых два часа понапрасну потеряли. В самом деле подумаешь, что Игоша ко мне привязался.

Так говорил батюшка; я не пропустил ни одного слова. В раздумье пошел я в свою комнату, сел на полу, но игрушки меня не занимали — у меня в голове все вертелся Игоша да Игоша. Вот я смотрю — няня на ту минуту вышла — вдруг дверь отворилась; я по своему обыкновению хотел было вскочить, но невольно присел, когда увидел, что ко мне в комнату вошел, припрыгивая, маленький человечек в крестьянской рубашке, подстриженный в кружок; глаза у него горели, как угольки, и голова на шейке у него беспрестанно вертелась; с самого первого взгляда я заметил в нем что-то странное, посмотрел на него пристальнее и увидел, что у бедняжки не было ни рук, ни ног, а прыгал он всем туловищем. Как мне его жалко стало! Смотрю, маленький человечек — прямо к столу, где у меня стояли рядом игрушки, вцепился зубами в салфетку и потянул ее, как собачонка; посыпались мои игрушки: фарфоровая моська вдребезги, барабан у барабанщика выскочил, у колясочки слетели колеса — я взвыл и закричал благим матом: «Что за негодный мальчишка! зачем ты сронил мои игрушки, эдакой злыден! да что еще мне от нянюшки достанется! Говори, зачем ты сронил игрушки?»

— А вот зачем, — отвечал он тоненьким голоском, затем, — прибавил он густым басом, — что твой батюшка всему дому валежки сшил, а мне,

маленькому, — заговорил он снова тоненьким голоском, — ни одного не сшил, а теперь мне, маленькому, холодно, на дворе мороз, гололедица, пальцы костенеют.

— Ах, жалкийкий, — сказал я сначала, но потом, одумавшись, — да какие пальцы, негодный, да у тебя и рукто нет, на что тебе валежки?

— А вот на что, — сказал он басом, — что ты вот видишь, твои игрушки в дребезгах, так ты и скажи батюшке: «Батюшка, батюшка, Игоша игрушки ломает, валежек просит, купи ему валежки», — а ты возьми да и брось их ко мне в окошко.

Игоша не успел окончить, как нянюшка вошла ко мне в комнату, Игоша не прост молодец, разом лыжи наострил, а нянюшка — на меня: «Ах ты, проказник, сударь! зачем изволил игрушки сронить? Нельзя тебя одного ни на минуту оставить. Вот уж тебя маменька...»

— Нянюшка! Не я уронил игрушки, право, не я, это Игоша...

— Какой Игоша, сударь?.. еще изволишь выдумывать!

— Безрукий, безногий, нянюшка. На крик прибежал батюшка, я ему рассказал все, как было, он расхохотался.

— Изволь, дам тебе валежки, отдай их Игоше. Так я и сделал. Едва я остался один, как Игоша явился ко мне, только уже не в рубашке, а в полушубке.

— Добрый ты мальчик, — сказал он мне тоненьким голоском, — спасибо за валежки; посмотри-ка, я из них себе какой полушубок сшил, вишь, какой славный!

И Игоша стал повертываться со стороны на сторону и опять к столу, на котором нянюшка поставила свой заветный чайник, очки, чашку без ручки и два кусочка сахара — и опять за салфетку, и опять ну тянуть.

— Игоша! Игоша! — закричал я, — погоди, не роняй — хорошо мне один раз прошло, а в другой не поверят; скажи лучше, что тебе надобно?

— А вот что, — сказал он густым басом, — я твоему батюшке верой и правдой служу, не хуже других слуг ничего не делаю, а им всем батюшка к празднику сапоги пошил, а мне, маленькому, — прибавил он тоненьким голоском, — и сапожишков нет, на дворе днем мокро, ночью морозно, ноги ознобишь...- и с этими словами Игоша потянул за салфетку, и полетели на пол и заветный нянюшкин чайник, и очки выскочили из очешника, и чашка без ручки расшиблась, и кусочек сахарна укатился...

Вошла нянюшка, опять меня журит: я на Игошу, она на меня.

— Батюшка, безногий сапогов просит, — закричал я, когда вошел батюшка.

— Нет, шалун, — сказал батюшка, — раз тебе прошло, в другой раз не пройдет; эдак ты у меня всю посуду перебьешь; полно про Игошу-то толковать, становись-ка в угол.

— Не бось, не бось, — шептал мне кто-то на ухо, — я уже тебя не выдам.

В слезах я побрел к углу. Смотрю: там стоит Игоша, только батюшка отвернется, а он меня головой толк да толк в спину, и я очутюсь на ковре с игрушками посредине комнаты; батюшка увидит, я опять в угол; отворотится, а Игоша снова меня толкнет.

Батюшка рассердился. «Так ты еще не слушаться? — сказал он, — сей час в угол и ни с места».

— Батюшка, это не я... это Игоша толкается.

— Что ты вздор мелешь, негодяй; стой тихо, а не то на целый день привяжу тебя к стул.

Рад бы я был стоять, но Игоша не давал мне покоя: то ущипнет меня, то оттолкнет, то сделает мне смешную рожу — я захохочу; Игоша для батюшки был невидим — и батюшка пуще рассердился.

— Пстой, — сказал он, — увидим, как тебя Игоша будет отталкивать, — и с сими словами привязал мне руки к стулу.

А Игоша не дремлет: он ко мне — и ну зубами тянуть узлы; только батюшка отворотится, он петлю и вытянет; не прошло двух минут — и я снова очутился на ковре между игрушек, посредине комнаты.

Плохо бы мне было, если б тогда не наступил уже вечер; за непослушание меня уложили в постель ранее обыкновенного, накрыли одеялом и велели спать, обещая, что завтра, сверх того, меня запрут одного в пустую комнату.

Ночью, едва нянюшка загнула в свинец свои пукли, надела коленкорный чепчик, белую канифасную кофту, пригладила виски свечным огарком, покурила ладаном и захрапела, я прыг с постели, схватил нянюшкины ботинки и махнул их за форточку, приговаривая вполголоса: «Вот тебе, Игоша».

— Спасибо! — отвечал мне со двора тоненький голосок.

Разумеется, что ботинок назавтра не нашли, и нянюшка не могла надивиться, куда они девались.

Между тем батюшка не забыл обещания и посадил меня в пустую комнату, такую пустую, что в ней не было ни стола, ни стула, ни даже скамейки.

— Посмотрим, — сказал батюшка, — что здесь разобьет Игоша! Нет, брат, я вижу, что ты не по летам вырос на шалости... пора за ученье. Теперь сиди здесь, а чрез час за азбуку, — и с этими словами батюшка запер двери. Несколько минут я был в совершенной тишине и прислушивался к тому странному звуку, который слышится в ухе, когда совершенно тихо в пустой комнате. Мне приходил на мысль и Игоша. Что-то он делает с нянюшкиными ботинками? Верно, скачет по гладкому снегу и взрывает хлопья.

Как вдруг форточка хлопнула, разбилась, зазвенела, и Игоша, с ботинкой на голове, запрыгал у меня по комнате. «Спасибо! Спасибо! — закричал он пискляво.- Вот какую я себе славную шапку сшил!»

— Ах, Игоша! не стыдно тебе? Я тебе и полушубок достал, и ботинки тебе выбросил из окошка, — а ты меня только в беды вводишь!

— Ах, ты неблагодарный, — закричал Игоша густым басом, — я ли тебе не служу, — прибавил он тоненьким голоском, я тебе и игрушки ломаю, и нянюшкины чайники бью, и в угол не пускаю, и веревки развязываю; а когда уже ничего не осталось, так рамы бью; да к тому ж служу тебе и батюшке из чести, обещанных харчевых не получаю, а ты еще на меня жалуешься. Правда у нас говорится, что люди — самое неблагодарное творение! Прощай же, брат, если так, не поминай меня лихом. К твоему батюшке приехал из города немец, доктор, который надоумил твоего батюшку тебя за азбуку посадить, да все меня к себе напрашивается, попробую ему послужить; я уж и так ему стклянки перебил, а вот к вечеру после ужина и парик под бильярд закину — посмотрим, не будет ли он тебя благодарнее...

С сими словами исчез мой Игоша, и мне жаль его стало.

С тех пор Игоша мне более не являлся. Мало-помалу ученье, служба, житейские происшествия отдалили от меня даже воспоминание о том полусонном состоянии моей младенческой души, где игра воображения так чудно сливалась с действительностью; этот психологический процесс сделался для меня недоступным; те условия, при которых он совершался, уничтожились рассудком; но иногда, в минуту пробуждения, когда душа возвращается из какого-то иного мира, в котором она жила и действовала по законам, нам здесь неизвестным, и еще не успела забыть о них, в эти минуты

странное существо, являвшееся мне в младенчестве, возобновляется в моей памяти, и его явление кажется мне понятным и естественным.

Оригинал этого текста был расположен в библиотеке сайта

«Русская Фантастика» по адресам: <http://rusf.ru/>

Сверка произведена по изданию: «Русская фантастическая проза эпохи романтизма», изд-во Ленинградского Университета, Ленинград, 1991 г.